

Теофил Норт

Автор:

Торнтон Уайлдер

Теофил Норт

Торнтон Уайлдер

Одно из самых интересных и неоднозначных произведений Торнтона Уайлдера, по сей день вызывающее споры критиков и литературоведов.

Его называют то «интеллектуальным плутовским романом», то «самой глубокой и многогранной книгой Уайлдера».

Кто таков заглавный герой этого произведения?

Мошенник он – или святой?

Прожженный циник – или невинная жертва обстоятельств?

Или просто мучительно одинокий человек, пытающийся наладить некие связи с окружающим миром?

Теофил Норт обречен снова и снова вмешиваться в судьбы людей – и коренным образом изменять их. Он – утешитель и добрый советчик, но он же и «дьявол-искуситель», советы которого никогда не приводят ни к чему хорошему...

Торнтон Уайлдер

Теофил Норт

Печатается с разрешения The Wilder Family LLC и литературного агентства The Barbara Hogenson Agency, Inc.;

© The Wilder Family LLC, 1973

© Перевод. В. Голышев, 2009

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

1. Девять призваний

Весной 1926 года я бросил работу.

Первые дни после такого решения чувствуешь себя, как будто после долгой болезни вышел из больницы. Постепенно учишься ходить; постепенно и с удивлением поднимаешь голову.

Я был вполне здоров, но душевно опустошен. Четыре с половиной года я преподавал в частной мужской школе в Нью-Джерси и три года работал воспитателем в лагере этой школы. Внешне я был весел и исполнителен, но внутренне – циничен и почти равнодушен ко всякому человеческому существу, кроме членов моей семьи. Мне было двадцать девять лет, вот-вот стукнет тридцать. Я скопил две тысячи долларов – неприкосновенный запас – либо на возвращение в Европу (в 1920 – 1921-м я прожил год в Италии и Франции), либо на занятия в аспирантуре какого-нибудь университета. Мне было не ясно, что я хочу делать в жизни. Преподавать я не желал, хотя знал, что у меня есть к этому способности; профессия педагога – часто лишь страховочная сетка как раз для таких неопределившихся. Я не желал быть писателем – в том смысле, чтобы зарабатывать пером; мне хотелось окунуться в жизнь поглубже. Если я и займусь сочинительством, то не раньше чем в пятьдесят лет. Если же мне суждено умереть раньше, я хочу быть уверен, что успел повидать в жизни столько, сколько мог, а не сузил свой горизонт до благородных, но преимущественно сидячих поисков, которые охватываются словом «искусство».

Призвания. Жизненные поприща. Стоит внимательно относиться к мечтам о профессии, которые по очереди завладевают воображением подрастающего мальчика или девочки. Они оставляют глубокие следы. В те годы, когда дерево набирает соки, предопределяются очертания его будущей кроны. Нас формируют посулы воображения.

В разное время меня манили ДЕВЯТЬ ПОПРИЩ – не обязательно по очереди, иногда одновременно; иногда я остывал к одному из них, потом оно возникало передо мной снова, иногда очень живо, но в другом виде, так что я узнавал его с удивлением после каких-нибудь событий, вызвавших его из глубин памяти.

К ПЕРВОМУ, самому раннему, меня тянуло с двенадцати до четырнадцати лет. Я пишу о нем со стыдом. Я решил стать святым. Я видел себя миссионером в первобытной стране. Я никогда не встречал святого, но много читал о них и слышал. Я учился в школе в северном Китае, и родители всех моих одноклассников (а по-своему и учителя) были миссионерами. Первое потрясение я испытал, когда понял, что они (пусть в глубине души) считают китайцев первобытным народом. Я-то знал, что это не так. Но желание стать миссионером в действительно первобытной стране меня не покидало. Я буду вести примерную жизнь и, может быть, сподоблюсь мученического венца. В последующие десять лет я постепенно понял, какие меня ожидают препятствия. О святости я знал только то, что кандидат должен быть полностью поглощен своими отношениями с Богом, должен угождать Ему и служить Его тварям тут, на земле. К сожалению, в 1914 году (мне было шестнадцать) я перестал верить в Бога, мое представление об изначальной божественности моих братьев (включая и меня самого) сильно поколебалось, и я понял, что не могу удовлетворять строжайшим требованиям самоотверженности, правдивости и безбрачия.

По-видимому, в результате этого недолгого увлечения у меня на всю жизнь сохранились – и проявлялись время от времени – детские черты. Я не напорист, и дух соперничества мне чужд. Я мог забавляться самыми нехитрыми вещами – как ребенок, который играет раковинами на морском берегу. Я часто казался рассеянным – «вital в облаках». Кое-кого это раздражало; даже дорогие мне друзья, мужчины и женщины (не исключая, пожалуй, и отца), ссорились со мной, обвиняя меня в «несерьезности», называя «простофилей».

ВТОРОЕ призвание – мирское преломление первого: быть антропологом в первобытной стране, и этот интерес периодически возрождался на протяжении

всей моей жизни. Прошлое и будущее для нас всегда – настоящее. Читатели, возможно, заметят, что антрополог и отпрыск его, социолог, все время маячат в этой книге.

ТРЕТЬЕ: археолог.

ЧЕТВЕРТОЕ: сыщик. На третьем курсе колледжа я решил стать замечательным сыщиком. Я прочел множество книг – не только романов, но и специальных трудов о тонких научных методах криминалистики. Старший инспектор Норт будет не последним среди тех, кто охраняет нашу жизнь от вторжения зла и безумия, притаившихся за дверью опрятной мастерской и уютного дома.

ПЯТОЕ: актер, замечательный актер. Об этом мираже можно догадаться, сопоставив остальные восемь влечений.

ШЕСТОЕ: чародей. Этой роли я не выбирал, и мне трудно дать ей точное название. Она никак не связана с эстрадным искусством. Я рано обнаружил, что обладаю неким даром утешения, близким к месмеризму, осмелюсь ли сказать – даром «изгонять бесов». Я понимаю, на чем основано ремесло шамана или знахаря. Мой дар причинял мне неудобства, и я редко прибегал к нему, но читатель увидит, что время от времени мне эту роль как бы навязывали. В занятии этом есть неотъемлемая доля мошенничества и шарлатанства. И чем меньше говорить о нем – тем лучше.

СЕДЬМОЕ: любовник. Какого рода любовник? Всеядный, как Казанова? Нет. Благоговеющий перед всем возвышенным и чистым в женщине, как провансальские трубадуры? Нет.

Много лет спустя, в очень сведущей компании, я нашел описание типа, к которому принадлежу. Доктор Зигмунд Фрейд выезжал на лето в Гринцинг, пригород Вены. Как-то летом я поселился в Гринцинге и без всяких на то посягательств с моей стороны получил приглашение присутствовать по воскресеньям на том, что он называл Plaudereien – свободных беседах, происходивших у него на вилле. В одной из таких прекрасных бесед речь зашла о разнице между любовью и влюбленностью.

– Герр доктор, – сказал он, – вы помните старую английскую комедию – запомнил ее название, – где герой страдает некоторым... торможением –

Нemmung. При «дамах» и воспитанных девушках из хороших семей он застенчив и косноязычен, смотрит в землю; но со служанками, с официантками и, что называется, «эмансипированными женщинами» он – сама дерзость и развязность. Вы знаете, как называется эта комедия?

– Да, герр профессор. «Ночь ошибок».

– А кто автор?

– Оливер Голдсмит.

– Благодарю вас. Мы, врачи, обнаружили, что Оливер Голдсмит дал типичную картину нарушения, с которым мы часто сталкиваемся у наших пациентов. Ach, die Dichter haben alles gekannt! (Поэты всегда все знали.)

Затем он стал объяснять мне связь этой проблемы с эдиповым комплексом и страхом инцеста, когда «почтенные» женщины ассоциируются у человека с его матерью и сестрами – «запретной областью».

– Вы помните, как зовут этого молодого человека?

– Чарльз Марло.

Он повторил имя с удовлетворенной улыбкой. Я наклонился к нему и сказал:

– Герр профессор, можем мы назвать такое явление «комплексом Чарльза Марло»?

– Да, это будет очень уместно. Я давно искал подходящий термин.

Теофил страдал, как говорится (хотя никаких страданий он не испытывал), этими Нemmungen. Пусть другие обхаживают месяц за месяцем величавую лебедь и самовлюбленную лилию. Оставьте Теофилу дерзкую сороку и покладистую маргаритку.

ВОСЬМОЕ: пройдоха. Тут я должен прибегнуть к иностранному языку: el picaro[1 - Плут (исп.)]. Меня всегда увлекал тип, противоположный моим

новоанглийским и шотландским предкам, – плут, которому «полиция наступает на пятки», живущий без честолюбивых планов, на кромке благопристойной жизни, с наслаждением обманывающий болвана и благоразумного, скупердя и самодовольного блюстителя нравов. Я мечтал о том, как обойму весь мир, загляну в миллион лиц, легкий на подъем, не обремененный имуществом и кошельком, сметливо избегая тягот голода, холода и гнета чужой воли. Это не просто жулики, но и искатели приключений. Я с завистью читал их жизнеописания и отметил, что они часто – когда справедливо, а когда нет – попадают в тюрьму. Инстинкт предостерегал меня – и кошмарные сны предостерегали, – что тягчайшей мукой для меня было бы заточение, камера. Случалось, я подступал к самой грани мошенничества, но каждый раз – тщательно взвесив риск. Это восьмое призвание подводит меня к последнему и главенствующему:

ДЕВЯТОМУ – быть свободным человеком. Заметьте, каких я не строил планов: я не хотел быть банкиром, купцом, юристом, не помышлял ни об одной из тех карьер, которые приковывают на всю жизнь к разным правлениям и комитетам, – о карьере политика, издателя, борца за реформы. Я не желал над собой никакого начальства – только самый необременительный надзор. Кроме того, все мои интересы связаны с людьми, но людьми как отдельными личностями.

Читатель увидит, что все эти устремления не оставляли меня и потом. Поскольку они вступали в противоречие, у меня случались неприятности; поскольку они засели во мне крепко, осуществляя их, я часто испытывал внутреннее удовлетворение.

Итак, после четырех с половиной лет относительной неволи я стал свободен. Со времен путешествия за границу – шесть лет назад – я вел объемистый Дневник (и эта книга, охватывающая четыре с половиной месяца, – по существу, его отрывок). Большинство записей в Дневнике – характеристики знакомых людей, с теми биографическими сведениями, какие мне удавалось разузнать попутно. Сам я присутствую в нем скорее как свидетель – хотя попадаются и записи, посвященные довольно поверхностному самоанализу. Я мог бы даже утверждать, что последние два года эта портретная галерея была главным в моей жизни. Лишь много лет спустя я понял, что это было своего рода самонаблюдение через наблюдение других. Удивительно все-таки, какими путями природа стремится создать в нас гармонию.

С минуты, когда я уволился – за два дня до отъезда из школы, – я стал замечать, что с новой свободой во мне самом появилось кое-что новое. Во мне возродился дух игры – не юношеской (которая есть агрессия, ограниченная правилами), но детской игры, которая вся – воображение, выдумка. Я сделался легкомысленным. Дух игры истребил владевшие мной цинизм и безразличие. Больше того, во мне проснулась жажда приключений, риска, охота вмешиваться в жизнь других, радоваться опасности.

* * *

Получилось так, что в 1926 году свобода пришла ко мне раньше, чем я ожидал. За полтора месяца до конца учебного года в Нью-Джерси разразилась эпидемия гриппа. Изолятор наполнился и переполнился. Спортивный зал, заставленный койками, напоминал лазарет. Явились родители и развезли сыновей по домам. Занятия кончились, преподаватели были свободны, и я уехал тотчас же. Я даже не завернул домой в Коннектикут, потому что совсем недавно провел там пасхальные каникулы. У одного нашего преподавателя, Эдди Линли, я купил машину – с условием, что сперва он перегонит ее из нашей школы к себе домой, в Провиденс, штат Род-Айленд. С машиной этой я был знаком. Когда-то она принадлежала летнему лагерю в Нью-Гэмпшире, где мы с Эдди вместе работали. Как и все преподаватели, мы по очереди возили учеников, обычно на более вместительных машинах, – в церковь, на танцы, в кино. А эта легковая, прозванная «Ханной» – по знаменитой в те годы песне «Бессердечная Ханна», – служила для обычных недалеких поездок: в соседнюю деревню на почту, в бакалею, к врачу, а случалось, везла несколько преподавателей на вечеринку, угощаться яблочной водкой. «Ханна» послужила верой и правдой и уже разваливалась. Два года назад дирекция лагеря продала ее Эдди за пятьдесят долларов. Эдди был прирожденный механик. Бедная «Ханна» мечтала только об отдыхе в каком-нибудь нью-гэмпширском овраге, но Эдди непрерывно ее воскрешал. Он знал ее «повадки» и «ублажал» ее. Она возила его в Нью-Гэмпшир, Род-Айленд, Нью-Джерси и обратно. Я предложил за машину двадцать пять долларов и попросил дать мне простейшие наставления на случай поломок. Он согласился, я прокатил его в Trenton и обратно, и «Ханна» слушалась превосходно. Он позвал меня с собой в Провиденс, но я сказал, что переночую в Нью-Йорке и буду у него завтра. Он захватил два моих чемодана и книжки – скромное имущество, которое накопилось у меня в школе. Сюда входили два последних тома моего драгоценного Дневника. Я отправился в Нью-Йорк с легким саквояжем. С полудня этого вторника я был свободен как птица.

Нью-Йорк казался мне тогда самым замечательным городом в мире, и сейчас, спустя почти пятьдесят лет, я того же мнения. Я уже видел и успел полюбить многие города: Рим и Париж, Гонконг и Шанхай, где прошла часть моего детства; позже я не чувствовал себя чужим и в Лондоне, Берлине, Риме, Вене. Но ни один из них не мог сравниться с Нью-Йорком по разнообразию, неожиданности и по климату.

Необыкновенный его климат отличается не только знаменитыми крайностями жары и холода, но и ясными солнечными днями при крепком морозе, и тем блаженным теплом, какое бывает в июле и августе. Кроме того, я верил (и сейчас верю) в теорию, поддерживаемую время от времени так называемыми авторитетами, что существует некий магнитный пояс в сотню миль шириной и в тысячу длиной, простирающийся под почвой от Нью-Йорка до Чикаго. Людей, живущих в этой области, возбуждает гальваническая сила; они шустры, изобретательны, склонны к оптимизму и недолговечны. Среди них распространены болезни перегруженного сердца. Перед ними стоит тот же выбор, что и перед Ахиллом: короткая, но яркая жизнь или тихая и малосодержательная. Мужчины, женщины и дети чувствуют это силовое поле, пронизывающее мостовые Нью-Йорка, Чикаго и городов между ними, – особенно весной и осенью. Энтомологи сообщали, что даже муравьи в этой области двигаются быстрее.

Я собирался – как не раз уже делал – заночевать в клубе студенческого сообщества, в которое вступил в Йейлском университете, а вечером пойти на свидание. Еще из школы я позвонил кое-каким нью-йоркским знакомым:

– Доброе утро, говорит доктор Колдуэлл из Монреала. Можно попросить миссис Денхем?

Ответил дворецкий:

– Миссис Денхем в Северной Каролине, сэр.

– А-а, спасибо. Я позвоню в следующий приезд.

– Благодарю вас, сэр.

– Доброе утро, говорит доктор Колдуэлл из Монреаля. Можно попросить мисс Ла Винья?

– Вам мисс Ла Винья какая, Анна или Грация?

– Мисс Грацию, если можно.

– Грация живет в другое место. Она работает Ньюарк. Косметический салон «Аврора», смотрите телефонная книга.

– Спасибо, миссис Ла Винья. Я позвоню ей туда.

Разочарование было столь острым, что я изменил свои планы. В Нью-Йорке я сразу пересел на другой поезд и поехал в Провиденс. Остановившись в гостинице, я на другой день пошел к Эдди Линли за машиной.

У меня еще не было ясных планов на лето. Мне говорили, что в провинции Квебек жизнь недорогая. Остановлюсь ненадолго в окрестностях Бостона, которых почти не знаю, осмотрю Конкорд, пруд Уолден, Салем; оттуда двинусь на север через Мэн, pošлю отцу открытку с его родины... словом, что-нибудь такое.

С меня было довольно того, что я могу сесть за руль собственной машины и передо мной – все дороги северного полушария... и четыре месяца без единого обязательства.

2. Девять Ньюпортов

Итак, в середине дня я пошел к Эдди Линли за «Ханной» и пожитками, которые были в ней сложены. Я попросил его проехаться со мной по городу и дать мне последние наставления касательно норова старой машины.

Вдруг я увидел знак: «НЬЮПОРТ, 30 МИЛЬ».

Ньюпорт! Съезжу-ка в Ньюпорт, где семь лет назад я служил – вполне скромно, поднявшись от рядового до капрала, – в береговой артиллерии, охранявшей бухту Наррагансетт. В свободные часы я много гулял по окрестностям. Я полюбил город, бухту, море, непогоды, ночное небо. Я знал там только одну семью, гостеприимных друзей, которые откликнулись на призыв «Пригласите военнослужащего на воскресный обед», и у меня сложилось благоприятное впечатление о местных жителях. Хваленый курорт богачей выглядел скучно: особняки были заколочены, а из-за ограничений на бензин машин на Бельвью авеню почти не осталось. У меня родилась идея, как подработать на жизнь, не тратя целого дня и моих сбережений. Я довез Эдди до дома, пожал руки его родным, отдал ему двадцать пять долларов и направился к острову Акуиднек, где стоит Ньюпорт.

Что за день! Сколько обещаний в припоздавшей весне! Как дает себя знать близость соленого моря!

«Ханна» вела себя прилично до самой черты города, а там начала кашлять и засбоила. Мы, однако, не сдавались и доползли до Вашингтон-сквера, где я остановился узнать адрес Христианской ассоциации молодых людей – не «Армейской и флотской Х», которая помещалась напротив, а гражданской «Х». Я вошел в магазинчик, где продавались газеты, открытки и т.п. (Семья владельцев еще появится в этой книге – в главе «Мино».) Я позвонил в «Х» и спросил, есть ли свободные комнаты. Я жизнерадостно добавил, что мне меньше тридцати лет, крещен в Первой конгрегационалистской церкви в Мэдисоне, штат Висконсин, и что я довольно общителен. Усталый голос ответил: «Отлично, дружище, меньше пены! Пятьдесят центов за ночь». «Ханна» не хотела ехать дальше, но я все-таки убедил ее свернуть на Темза-стрит. Я остановил ее перед «Джосайя Декстер. Гараж. Ремонт». Механик долго и вдумчиво осматривал машину, изрекая слова, недоступные моему разумению.

– Сколько это будет стоить?

– Судя по всему, долларов пятнадцать.

– Вы покупаете старые машины?

– Брат покупает. Джосайя! Джосайя! Драндулет предлагают!

Это был 1926 год, когда все механики, электрики и водопроводчики были не только добросовестны, но и считались в каждом уважающем себя доме незаменимыми. Джосайя Декстер был гораздо старше брата. Такие лица, как у него, попадают только на дагерротипах судей и пасторов. Он тоже осмотрел машину. Братья посоветовались.

Я сказал:

– Если вы отвезете меня с багажом в «Х», я продам вам машину за двадцать долларов.

Джосайя Декстер ответил:

– По рукам.

Мы перенесли мои вещи в его машину, и я хотел уже было сесть, как вдруг сказал: «Минутку!» Воздух кружил мне голову. Я был в миле от того места, где прошла часть двадцатого и двадцать первого годов моей жизни. Я повернулся к «Ханне» и погладил ее по капоту. «Прощай, «Ханна», – сказал я. – Расстаемся друзьями... Ты меня понимаешь?» Потом я прошептал в ближнюю фару: «Старость и смерть никого не минут. Даже самая усталая река приходит к морю. Как сказал Гёте: “Balde ruhest du auch”».

Затем я уселся рядом с Декстером. Он медленно проехал квартал и спросил:

– Давно у вас эта машина?

– Я был владельцем этой машины один час двадцать минут.

Еще квартал.

– Вы из-за каждой своей вещи так распаляетесь?

– Мистер Декстер, во время войны я служил в форте Адамс. Я сюда вернулся. В Ньюпорте я – четверть часа. Прекрасный день. Прекрасное место. Немного закружилась голова. От счастья до печали – один шаг.

– Можно узнать, что вы сказали машине?

Я повторил то, что сказал, и перевел немецкую фразу: «Подожди немного, отдохнешь и ты».

– Фразы избитые, мистер Декстер, но последнее время я замечаю, что если мы избегаем банальностей, то и банальности начинают нас избегать. Я никогда не смеюсь над стихотворениями Генри Лонгфелло, который прожил много счастливых недель в Ньюпорте и окрестностях.

– Это я знаю.

– Вы не скажете, где тут можно взять напрокат велосипед?

– У меня.

– Тогда я буду у вас в гараже через час... Мистер Декстер, я надеюсь, мое легкомыслие вас не обидело?

– У нас в Новой Англии легкомыслие не в чести, но ничего обидного вы не сказали... Еще разок – как там написал этот немец?

– В стихах он обращался к себе, поздно ночью, в башне, среди глухих лесов. Он написал их алмазом на окне. Это – последние слова самого знаменитого в немецком языке стихотворения. Ему было двадцать с чем-то лет. Отдыха он ждал до восьмидесяти трех.

Мы подъехали ко входу в «X». Он остановил машину и продолжал сидеть, держа руки на руле, потом сказал:

– Завтра будет пять недель, как умерла моя жена... Она была высокого мнения о стихах Лонгфелло.

Он помог мне перенести вещи в вестибюль. Потом вручил мне двадцатидолларовую бумажку, слегка кивнул, сказал: «Всего вам хорошего» – и вышел на улицу.

* * *

Через час, когда я пришел в гараж, самого Джосайи Декстера не было, но его брат помог мне выбрать, как мы говорили в те годы, «машину». Свернув на Темза-стрит, я отправился на знаменитую здесь «десятимильную прогулку». Я миновал вход в форт Адамс («Капрал Норт Т.!» – «Здесь, сэр!»), дом Агасси («Когда еще рождался так легко таких познаний кладезь?») и выехал к молу перед домом Бадлонга. Ветерок дул в лицо, и я глядел через сверкающее море в сторону Португалии.

Каких-нибудь полгода назад – охваченный усталостью – я разглагольствовал перед коллегой-преподавателем: «Не морочь себе голову. Море – не доброе, не жестокое. Оно такое же бессмысленное, как небо. Просто большое скопление H₂O... И даже слова «большой» и «маленький», «прекрасный» и «ужасный» – это оценки и мерил, прилагаемые сознанием человека среднего роста, краски и формы, которые означают, приемлем предмет или вреден, съедобен или не съедобен, привлекателен ли сексуально, приятен ли на ощупь и так далее. Весь физический мир – чистая страница, на которой мы пишем и стираем наши зыбкие и переменчивые объяснения существу. Если у тебя потребность изумляться, обратись к стакану воды или капле росы – начни отсюда; дальше не продвинешься». Но нынче днем, в конце апреля, единственное, на что я был способен, это задыхаться словами: «О, море!.. О, могучий океан!»

* * *

Десятимильную прогулку я не закончил, а вернулся в город коротким путем. Мне хотелось побродить по тем улицам, где я часто гулял во время первого пребывания в городе. Особенно хотелось мне снова взглянуть на дома моей любимой эпохи – восемнадцатого века: церковь, ратушу, особняки; снова полюбоваться на великолепные деревья Ньюпорта – высокие, тенистые и очень разные. Климат (не почва) восточного Род-Айленда благоприятствовал росту больших экзотических деревьев. Объясняют, что целое поколение ученых мужей забавы ради сажало чужеземные деревья на острове Акуиднек, а в следующем поколении яхтсмены соперничали друг с другом, привозя сюда экземпляры из далеких мест. Было положено много трудов, почву из внутренних районов доставляли обозами. Впоследствии я обнаружил, что многие владельцы даже не знают названий деревьев, украшающих их имения: «Мы думаем, что это баньян или... или бетель», «Кажется, дедушка говорил, что оно из Патагонии...

Цейлона... Японии».

Одним из моих юношеских увлечений была археология; я чуть ли не год провел в Риме, знакомясь с ее методами и достижениями. Но еще задолго до этого, как и многих других мальчишек, меня заворожило великое открытие Шлимана на месте древней Трои – девять городов, один на другом. За четыре с половиной месяца, о которых я собираюсь рассказать, я обнаружил – или думал, что обнаружил, – что Ньюпорт в штате Род-Айленд состоит из девяти городов, местами взаимопроникающих, местами почти не связанных друг с другом и в разной степени прекрасных, волнующих, нелепых, заурядных, а один – так просто жалкий.

ПЕРВЫЙ ГОРОД: следы ранних поселенцев, деревня семнадцатого века со знаменитой круглой каменной башней, описанной в стихотворении Лонгфелло «Скелет в броне»; долгое время ее считали древним сооружением хищных викингов, ныне же общее мнение склонилось к тому, что это мельница, построенная отцом или дедом Бенедикта Арнольда.

ВТОРОЙ ГОРОД относится к восемнадцатому веку, и ему принадлежит несколько прекраснейших общественных и частных зданий Америки. Именно этот город сыграл такую важную роль в Войне за независимость, отсюда горячие и великодушные французские друзья нашего восстания, предводительствуемые Рошамбо и Вашингтоном, повели морскую кампанию, которая изменила ход войны.

ТРЕТИЙ ГОРОД включает в себя то, что осталось от одного из самых оживленных портов Новой Англии, дотянувшего кое-как до двадцатого века на приморской стороне Темза-стрит, с ее причалами, доками, лавочками, благоуханием пеньки и смолы, развешанными там и сям сетями и парусами для починки, и теперь живущего главным образом яхтами и прогулочными судами, которые стоят в гавани; больше всего он напоминает о себе вереницей баров и таверн – тех особых, милых сердцу моряка притонов, куда редкий сухопутный человек отважится заглянуть вторично.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОРОД принадлежит армии и флоту. Уже давно существует система фортов, охраняющих бухту Наррагансетт. Военно-морская база и учебный лагерь сильно разрослись во время войны – особый мир.

ПЯТЫЙ ГОРОД населяли с начала девятнадцатого века немногочисленные высокоинтеллектуальные семейства из Нью-Йорка, Кембриджа, Провиденса, открывшие для себя прелести Ньюпорта как летнего курорта. (Бостонцев приезжало мало; у них свои курорты на Северном берегу и Южном берегу.) Генри Джеймс, философ-сведенборгианец, привез сюда свою семью, включая юного философа и юного романиста. В последнем, неоконченном романе Генри Джеймс-младший мысленно возвращается сюда, разворачивая действие «Башни из слоновой кости» среди домов и лужаек, окаймленных Скалистой аллеей. Здесь дожила до преклонных лет Джулия Уорд Хау, автор «Боевого гимна Республики». Здесь обосновалась группа гарвардских профессоров. Дом Жана-Луи Рудольфа Агасси, который я только что миновал, был переоборудован в гостиницу; она существует и ныне, в 1972 году. В один из последующих приездов мне удалось занять пятиугольную комнату в башенке над домом; из этой волшебной комнаты видны ночью огни шести маяков и слышны гудение и звон такого же числа морских буев.

Затем, заселяя ШЕСТОЙ ГОРОД, явились самые богатые, основатели империй, многие – из своих замков на Гудзоне и вилл в Саратога-Спрингс, поскольку уяснили вдруг, что во внутренних районах штата Нью-Йорк летом кошмарно жарко. С ними пришли моды, соревнование в роскоши и греющее чувство исключительности. Этот так называемый «великий век» давно прошел, но многое осталось.

В большом городе громадная армия слуг смешивается с населением, но на маленьком острове и на маленькой части этого острова слуги образуют СЕДЬМОЙ ГОРОД. У тех, кто входит в парадную дверь дома, где живет только для того, чтобы вымыть ее, развивается сознание собственной незаменимости и возникает своего рода тайное товарищество.

ВОСЬМОЙ ГОРОД (как и Седьмой, он живет при Шестом) населяют прихвостни и паразиты: назойливые журналисты, сыщики, охотники за приданым, незваные гости, полупомешанные искатели известности, зеваки, целители, сомнительные подопечные обоих полов – отличный материал для моего Дневника.

И наконец, был, есть и еще долго будет ДЕВЯТЫЙ ГОРОД американцев среднего сословия, которые продают и покупают, растят своих детей и хоронят своих мертвецов, мало интересуясь теми восемью городами, что живут у них под боком.

Я наблюдал и описывал их. Я представлялся себе Гулливером на острове Акуиднек.

На другое утро после приезда я отправился за советом к Уильяму Уэнтворту, директору казино, полагая, что хоть и косвенно, но связан с ним. Десять лет назад мой брат, тогда еще студент последнего курса в Йейле, играл здесь в чемпионате Новой Англии по теннису и занял хорошее место. Он рассказал мне об этом дружелюбном человеке, всегда готовом помочь. Войдя, я первым делом осмотрел корты и места для зрителей. Это здание – и не одно оно в Ньюпорте – было спроектировано блестящим и неудачливым Стэнфордом Уайтом. Как и все, что вышло из его рук, оно отличалось безупречной конструкцией и свободной игрой фантазии. Хотя весна только начиналась, знаменитые корты уже устилал зеленый ковер.

Я постучал в дверь директора, и бодрый пятидесятилетний мужчина пригласил меня войти; протянув руку, он сказал:

– Доброе утро, сэр. Садитесь. Чем могу служить?

Я рассказал ему об участии брата в турнире.

– Минутку. В шестнадцатом году. Вот его фотография. А вот его фамилия на кубке. Я хорошо его помню – отличный парень и первоклассный игрок. Где он сейчас?

– Он священник.

– Прекрасно! – сказал директор.

Я рассказал ему о своей службе в форте Адамс. Рассказал о том, что четыре года без передышки преподавал, что хочу переменить обстановку и преподавать с меньшей нагрузкой. Я дал ему набросок объявления, которое хотел поместить в газете, и попросил оказать мне любезность и повесить его на доске объявлений казино. Он прочел и кивнул.

– Мистер Норт, сезон только начинается, но тут всегда есть молодые люди, которые по той или иной причине остались дома и нуждаются в преподавателях.

Обыкновенно их нанимают в соседних школах, но к концу учебного года учителя не заинтересованы в дополнительных уроках. Надеюсь, и на вашу долю хватит учеников. Но у нас есть и другая категория, которая будет рада воспользоваться вашими услугами. Вы бы согласились читать вслух пожилым людям с плохим зрением?

- Да, согласился бы, мистер Уэнтворт.

- Все зовут меня Билл. А я всех мужчин старше шестнадцати лет называю «мистер»... Вы тоже играете в теннис?

- Хуже, конечно, чем брат, но в детстве я долго жил в Калифорнии, а там все играют.

- Как вы думаете, вы могли бы тренировать детей от восьми до пятнадцати лет?

- Самого меня тренировали довольно усердно.

- До половины одиннадцатого три корта отведены детям. Тренер приедет только в середине июня. Я начну набирать для вас группу. Доллар в час с человека. За чтение вслух вы можете просить два доллара в час. А снаряжение для тенниса у вас есть?

- Я достану.

- Там сзади есть комната, заваленная этим добром - брошенным, потерянным, забытым и так далее. Я даже отдал в чистку целую кипу костюмов, чтобы не прели. Туфли и ракетки любого размера. Я вас потом отведу. Вы умеете печатать на машинке?

- Да, Билл, умею.

- Ну так садитесь за стол и печатайте свое объявление в газету. Абонируйте ящик на почте - для писем. А звонят пускай в Христианскую ассоциацию. Пойду посмотрю, что там творят мои плотники.

Доброта не так уж редка, но доброта деятельная может ошеломить человека. Я и сам иногда способен на альтруизм, но для меня это род игры. Давать легче, чем получать. Я написал:

«Т. ТЕОФИЛ НОРТ

Йейл, 1920. Преподаватель шк. г. Раритан, Нью-Джерси, 1922 – 1926. Готовит к школьным и университетским экзаменам по английскому, французскому, немецкому языкам, латыни и алгебре. Мистер Норт готов читать вслух на перечисленных языках и итальянском. Условия: два доллара за час. Адрес: Ньюпортское почтовое отделение, абонемента́нный ящик №... Телефон (временно): Христианская ассоциация молодых людей, комната 41».

Я дал объявление в газете – только в трех номерах и подряд.

Через четыре дня у меня были ученики на теннисных кортах, и эта работа пришлась мне по душе. (Теннисом я не очень увлекался. Но в казино нашлось несколько затрепанных руководств: «Совершенствуйтесь в теннисе», «Теннис для начинающих». Да и более почтенные занятия не обходятся без элемента блефа.) К концу недели пошли телефонные звонки и письма. Среди первых писем была просьба зайти для переговоров в «Девять фронтонов» – визит этот привел к осложнениям, о которых пойдет речь дальше; в другом мне предлагали читать вслух произведения Эдит Уортон пожилой даме, которая была знакома с писательницей, когда та жила в Ньюпорте, и прочее. Телефонные звонки были разнообразнее. Я впервые выяснил, что всякий человек, представший перед широкой публикой, вынужден вступать в отношения с теми, кого мы легкомысленно именуем «крайними». Сердитый голос объявил мне, что я немецкий шпион и что «мы за тобой следим». Какая-то женщина убеждала меня изучить и проповедовать Глобо и тем готовить мир к всеобщему и прочному миру.

Были и звонки посерьезней.

– Мистер Норт!.. С вами говорит секретарь миссис Денби. Миссис Денби интересуется, могли бы вы читать вслух ее детям по четвергам с половины четвертого до половины седьмого?

Я сразу сообразил, что это – «выходной вечер» гувернантки. Голова у меня еще слегка «кружилась». Не знаю почему, но в телефонных разговорах я более откровенен, даже груб, чем при личных встречах. Отчасти, полагаю, дело в том, что нельзя посмотреть собеседнику в глаза.

– Можно спросить, сколько лет детям миссис Денби?

– Сколько?.. Ну, шесть, восемь и одиннадцать.

– А какую книгу миссис Денби рекомендует читать им вслух?

– Это на ваше усмотрение, мистер Норт.

– Поблагодарите миссис Денби и передайте ей, что одного ребенка нельзя занять книгой больше чем на сорок минут. Советую приохотить их к игре со спичками.

– О-о!

Щелк.

– Мистер Норт? С вами говорит миссис Хью Каупертуэйт. Я дочь мистера Элдона Крейга.

Она сделала паузу, чтобы я вполне оценил оказанную мне честь. Я никогда не мог запомнить источников благосостояния моих нанимателей. И не помню сейчас, тем ли был известен мистер Крейг, что получал полдоллара всякий раз, когда захлопывалась дверь автомобиля-рефрижератора, или же тем, что получал десять центов всякий раз, когда мясник ставил у себя новый рулон оберточной бумаги.

– Да, мадам.

– Отец хотел бы выяснить, не возьметесь ли вы читать ему вслух Библию... Да, целиком. Он прочел ее одиннадцать раз и хотел бы знать, умеете ли вы читать быстро?.. Понимаете, он хотел бы превзойти свой рекорд скорости – по-моему, сорок восемь часов.

– Я подумаю, миссис Каупертуэйт.

– Если вы заинтересованы, он хотел бы знать, не согласитесь ли вы читать... на... особых условиях.

– На особых условиях?

– Да... Так сказать, со скидкой.

– Понимаю. При моей скорости это составит больше полутора ста долларов. Сумма, что и говорить, значительная.

– Да. Отец еще просил узнать...

– Могу я сделать предложение, мадам?.. Я готов читать Ветхий завет по-древнееврейски. В древнееврейском нет гласных; там – только так называемые «придыхания». Это сократило бы время примерно на семь часов. Начетырнадцать долларов дешевле!

– Но он ничего не поймет, мистер Норт!

– Поймет или нет, какое это имеет значение, миссис Каупертуэйт? Мистер Крейг уже одиннадцать раз это слышал. На древнееврейском он услышит собственные слова Господа – так, как Он продиктовал их Моисею и пророкам. Кроме того, я могу читать Новый завет по-гречески. Греческий изобилует немymi дигаммами, энклитиками и пролегоменами. Ни одного слова лишнего, и цена будет снижена до ста сорока долларов.

– Но отец...

– Кроме того, в Новом завете я могу читать слова нашего Господа на Его родном языке, арамейском! Очень кратко, очень сжато. Я прочту Нагорную проповедь за четыре минуты шестьдесят одну секунду, ни секундой больше.

– Но будет ли это считаться рекордом?

– Жаль, что вы смотрите на это не так, как я, миссис Каупертуэйт. Намерение вашего уважаемого отца – угодить своему создателю. Я предлагаю вам льготные условия: стосорокдолларов!

– Я вынуждена прервать этот разговор, мистер Норт.

– Хорошо, СТО ТРИДЦАТЬ!

Щелк.

Итак, через несколько дней я уже гонял взад-вперед по авеню, как рассыльный. Уроки. Чтения. Работа мне нравилась (басни Лафонтена в «Оленьем парке», труды епископа Беркли в «Девяти фронтонах»), но скоро я обнаружил известную истину, что богатые никогда не платят – или платят от случая к случаю. Я посылал счета каждые две недели, но даже самые дружелюбные наниматели почему-то их не замечали. Я тратил сбережения и ждал: но мечта снять отдельную квартиру (порождавшая, разумеется, и другие мечты) отодвигалась в неопределенное будущее. Не считая нескольких поздних сеансов чтения, вечера у меня были свободны, и я сделался беспокоен. Я заглядывал в таверны на Темза-стрит и на Долгом причале, но у меня не было охоты участвовать в этих бурных и плохо освещенных сборищах. Картежная игра в гостиных «Х» дозволялась при условии, что деньги не будут переходить из рук в руки, и я потерял интерес к игре без материального поощрения. Наконец я наткнулся на бильярдную Германа – две длинные комнаты, где располагались семь столов под сильными лампами и бар, торговавший разрешенными напитками, ибо действовал «сухой закон». Если вы приносили с собой крепкие напитки, на это смотрели сквозь пальцы, но большинству игроков и мне самому хватало безалкогольного пива. Место было приятное. По стенам на двух уровнях тянулись скамьи для зрителей и игроков, ожидавших своей очереди. Бильярд – спорт сосредоточенных, а не оживленных и сопровождается бурчанием, приглушенными ругательствами, молитвами и отдельными вскриками торжества или отчаяния. Завсегдатаями Германа были рабочие из усадеб, шоферы, несколько продавцов, но преимущественно – слуги того или иного рода. Изредка и мне предлагали кий. Я представился человеком, который учит теннису начинающих в казино. В бильярд я играю прилично (долго упражнялся в Альфа-Дельта-Фи), но заметил, что ко мне относятся все холоднее и холоднее. Я уже собирался подыскать другую бильярдную, но меня спас от остракизма Генри Симмонс, который взял меня под свое покровительство.

Чем я только не обязан Генри: дружбой, знакомством с его невестой Эдвиной, несравненной Эдвиной, с миссис Крэнстон и ее пансионом и всем, что за этим последовало. Генри был худой сорокалетний камердинер-англичанин. Его лицо, длинное, красное и рябое, оживляли темные внимательные глаза. В его речи, очищенной семью годами пребывания в нашей стране, звучали в веселые минуты отголоски более ранних лет – язык, который радовал меня, напоминая о персонажах того же происхождения в книгах Диккенса и Теккерея. Он служил у широко известного яхтсмена и любителя скачек, которым восхищался, – я назову его Тимоти Форрестером. Мистер Форрестер, как и другие люди его класса и поколения, предоставлял свою яхту для научных экспедиций (и участвовал в них), где присутствие камердинера воспринималось бы как фривольность. Поэтому Генри на многие месяцы оставался один в Ньюпорте. Такое положение вполне его устраивало, потому что женщина, на которой он собирался жениться, большую часть года проводила здесь. Генри всегда одевался в отлично скроенные черные костюмы; только яркие жилеты выдавали его личный вкус. Он был любимцем в бильярдной Германа: его тихое подтрунивание вносило элемент чудачества, экзотики.

Он, должно быть, какое-то время за мной наблюдал и догадался, чье объявление читал в газете, потому что однажды вечером, когда я уж слишком долго сидел на скамье для зрителей, он вдруг подошел и сказал:

– Эй, профессор! Предлагаю три партии по четверти доллара, а?.. Как вас звать, дружище?.. Тед Норт? Меня – Генри Симмонс.

В то время когда мы познакомились, Генри был очень несчастлив. Его хозяин помогал экспедиции фотографировать птиц Огненной Земли, и Генри тяготился бездельем; его невеста участвовала в каком-то другом путешествии, и он страдал от разлуки. Мы играли в относительном молчании. Мне все время везло, а может быть, Генри скрывал свое искусство. Когда игра кончилась, бильярдная уже опустела. Он предложил мне выпить. Для него заведение держало несколько ящиков эля; я, по обыкновению, заказал безалкогольное.

– Ну так кто вы, Тед, и как вам живется? Я вам скажу, кто я такой. Я из Лондона – и с двенадцати лет ни разу не был в школе. Я был чистильщиком и подметал парикмахерскую. Потом стал поглядывать повыше и сам обучился этому ремеслу. Потом пошел в слуги и стал «джентльменом при джентльмене».

Со своим джентльменом он прибыл в нашу страну и в конце концов поступил камердинером к Форрестеру. Он рассказал мне о своей Эдвине, горничной, которая сопровождала хозяйку и других дам в плавании на знаменитой яхте. Он показал мне яркие открытки, посланные с Ямайки, Тринидада и Багамских островов, – жалкие утешения.

Я тоже рассказал ему про свою жизнь – Висконсин, Китай, Калифорния, учение, работа, Европа, война – и под конец объяснил, почему я в Ньюпорте. Когда я кончил рассказ, мы чокнулись, и это означало, что мы теперь друзья. То была первая из многих игр – и бесед. Во второй или третьей я спросил его, почему игроки так неохотно приглашают меня. Потому что я приезжий?

– Дружище, в Ньюпорте к приезжим относятся очень подозрительно. Не доверяют, вы поняли меня? Появляются разные типы, которые нам ни к чему. Давайте сделаем вид, будто я не знаю, что вы человек свойский. Понятно? Я вам буду задавать вопросы. Мистер Норт, вас в Ньюпорт подослали?

– Это как понять?

– Вы работаете в какой-нибудь организации? Вас прислали сюда работать?

– Я же вам сказал, почему я здесь.

– Я вам задаю вопросы, как будто это игра. Вы – сыч?

– Что?

– Ну, сыщик?

Я поднял руку, словно приносил присягу.

– Клянусь Богом, Генри, я в жизни ничем таким не занимался.

– Когда я прочел в газете, что вы даете уроки латыни, – тут-то все стало ясно. Никто еще не слышал, чтобы сыщик кумекал по-латыни... Дело вот какое: ничего плохого в этой работе нет; люди по-всякому зарабатывают. Когда сезон начнется, их тут будет видимо-невидимо. Иную неделю тут каждый вечер

большой бал. В честь заезжих знаменитостей и чахоточных детей, всякое такое. Бриллиантовые кольца. Страховые компании подсылают своих людей. Наряжают официантами. Кое-кто из хозяек приглашает их даже под видом гостей. Глаз не сводят со сверканцев. Есть такие нервные семьи, что у них всю ночь у сейфа сидит сыщик. Ревнивые мужья пускают сыщиков за женами. Человек вроде вас приезжает в город – никого не знает, жить ему здесь вроде незачем. Может, он сыщик – или вор. Порядочный сыщик первым делом идет доложить начальнику полиции, чтобы все начистоту. Но многие не идут: очень любят секретность. Будьте уверены, вы тут трех дней еще не прожили, а начальник уже к вам присматривался. Это хорошо, что вы пошли в казино и нашли там старую запись про себя...

– Да нет, это про брата.

– Видно, Билл Уэнтворт зашел к начальнику и сказал, что доверяет вам.

– Спасибо, что объяснили, Генри. Но тут, у Германа, все решило ваше доверие.

– У Германа тоже околачиваются сыщики, но кого мы не терпим здесь – это сыщика, который притворяется не сыщиком. Не раз случалось, что сыщики крали изумруды.

– А кем еще меня считали?

– Я вам расскажу, постепенно. Теперь вы чего-нибудь расскажите.

Я рассказал, что я узнал и умозаключил о роскошных деревьях Ньюпорта. Я изложил ему свою теорию «Девяти городов Ньюпорта» (и шлимановской Трои).

– Эх, слышала бы вас Эдвина! Эдвина обожает сведения – и вываривать теории из этих сведений. Она говорит, что люди в Ньюпорте рассуждают только друг о друге. Да, ей бы понравилось это, насчет деревьев – и насчет девяти городов.

– Я пока раскопал только пять.

– Ну, может, их и пятнадцать. Вам бы потолковать об этом с одной моей приятельницей, миссис Крэнстон. Я ей про вас рассказывал. Она говорит, что

хочет с вами познакомиться. Это особая честь, профессор, потому что она редко делает исключения: пускает к себе только слуг.

– Я же слуга, Генри!

– Позвольте вопрос: вот в эти дома, где у вас уроки, вы входите в них через парадную дверь?

– Ну-у... да.

– Вас когда-нибудь приглашают пообедать или поужинать?

– Два раза, но я никогда...

– Вы не слуга. – Я молчал. – Миссис Крэнстон много о вас слышала, но говорит, что будет очень рада, если я вас приведу.

У миссис Крэнстон было большое заведение около церкви святой Троицы – три дома, стоявшие впритык, так что пришлось только пробить стены, чтобы соединить их. При летней колонии Ньюпорта состояла почти тысяча человек прислуги, в большинстве «живущей»; заведение миссис Крэнстон было временным пансионом для многих, а для немногих – постоянным жилищем. Ко времени моего первого визита большинство богатых домов (именовавшихся «коттеджами») еще не открылось, но слуги были высланы вперед, чтобы подготовить их к сезону. Некоторые служанки из дальних домов по Океанской аллее боялись ночевать в одиночестве. Кроме того, миссис Крэнстон давала приют многочисленной «запасной прислуге» – свободной рабочей силе, приглашаемой в особых случаях, – но подчеркивала при этом, что у нее не бюро найма. Ее дом был истинным подарком для Седьмого города – для престарелых, для временно безработных, для внезапно уволенных (справедливо, а чаще несправедливо), для выздоравливающих. Зал и примыкавшие к нему гостиные возле прихожей служили как бы местом общих собраний и вечером по четвергам и воскресеньям бывали набиты битком. Чуть подальше находилась курительная, где подавали дозволенное пиво и фруктовые воды и где собирались друзья дома – лакеи, кучера и даже повара. В столовую допускались только постояльцы; даже Генри в нее не заходил.

В заведении миссис Крэнстон приличия соблюдались неукоснительно: ни один гость не отваживался произнести здесь некрасивое слово, и даже пересуды о хозяевах не должны были переходить границ. Позже я с удивлением отметил, что истории о легендарном Ньюпорте – о пышной довоенной жизни: о войнах светских львиц, о грубости знаменитых хозяек, о вавилонской роскоши маскарадов – вспоминались не часто; их все слышали. Последние курортные сезоны тоже не обходились без пышных балов, без чудачеств, драм и мелодрам, но о таких происшествиях упоминали только конфиденциально. Миссис Крэнстон указывала, что обсуждать личную жизнь тех, кто кормит нас, – непрофессионально. Сама она присутствовала тут каждый вечер, но отнюдь не восседала в центре, правя беседой. Она сидела за каким-нибудь из столиков, предпочитая общество одного, двух или трех друзей. У нее была красивая голова, благородная прическа, внушительная фигура, идеальное зрение и идеальный слух. Одевалась она по образцу тех дам, в услужении у которых провела свои молодые годы: корсет, черный стеклярус, полдюжины шуршащих юбок. Ничто не доставляло ей большего удовольствия, чем просьба дать совет в каком-нибудь сложном деле, требующем дипломатичности и житейской мудрости, полностью свободной от иллюзий. Мне нетрудно вообразить, что она спасла множество гибнущих душ. Она прошла все ступени служебной лестницы – от судомойки и уборщицы до горничной. По слухам – я осмеливаюсь повторять их лишь много десятилетий спустя, – «мистера Крэнстона» никогда не существовало (Крэнстон – городок по соседству с Ньюпортом), а в ее дело вложил деньги весьма известный банкир. Ближайшей подругой миссис Крэнстон была несравненная Эдвина, которая постоянно занимала на первом этаже комнату с выходом в сад. Эдвина ожидала давно назревшей кончины алкоголика-мужа в далеком Лондоне, чтобы справить свадьбу с Генри Симмонсом. Некоторым наблюдателям были ясны выгоды ее комнаты с отдельным выходом в сад: Генри мог прийти и уйти когда заблагорассудится, не вызвав скандала.

У миссис Крэнстон было заведено, что все дамы, кроме нее самой и Эдвины, расходятся без четверти одиннадцать – кто по комнатам наверху, а кто по своим городским жилищам. Джентльмены уходили в полночь. Генри был любимцем хозяйки пансиона и в отношениях с ней проявлял старомодную учтивость. Именно этот последний час с четвертью доставлял Генри (и нашей хозяйке) больше всего удовольствия. Мужчины обычно оставались в баре, но иногда к миссис Крэнстон присоединялся очень старый и похожий на мощи мистер Дэнфорт, тоже англичанин, который служил – величественно, без сомнения – дворецким в больших домах Балтимора и Ньюпорта. Память у него ослабела, но его еще приглашали время от времени украсить своим присутствием буфет или

холл.

В такой вот час Генри и представил меня миссис Крэнстон.

– Миссис Крэнстон, я хочу, чтобы вы познакомились с моим другом Тедди Нортон. Он работает в казино и, кроме того, читает вслух дамам и джентльменам, у которых слабеет зрение.

– Мне очень приятно с вами познакомиться, мистер Норт.

– Спасибо, это большая честь для меня, мадам.

– У Тедди, насколько я знаю, только один недостаток – он не мешается в чужие дела.

– По-моему, это характеризует его с хорошей стороны, мистер Симмонс.

– Миссис Крэнстон, Генри мне льстит. У меня было такое намерение, но даже за то короткое время, что я в Ньюпорте, я обнаружил, как трудно порой избежать ситуации, которая вам не подвластна.

– Наподобие одного неудачного побега на днях, если не ошибаюсь?

Меня словно громом поразило. Как могли просочиться слухи о моем маленьком приключении? Слова хозяйки были первым сигналом о том, как трудно в Ньюпорте сохранить в тайне события, которые прошли бы незамеченными в большом городе. (В конце концов, слуг за то и хвалят, что они «предупреждают малейшее желание» хозяина; а это требует пристального и неослабного внимания. Акуиднек – небольшой остров, и ядро его Шестого города невелико.)

– Мадам, мне можно простить, что я пытался помочь моему другу и работодателю в казино.

Она опустила голову с еле заметной, но благосклонной улыбкой.

– Мистер Симмонс, вы извините меня, если я попрошу вас минуты на две перейти в бар: я хочу сказать мистеру Нортону кое-что для него важное.

– Ну разумеется, милостивая государыня, – сказал Генри с довольным видом и покинул комнату.

– Мистер Норт, в нашем городе отличная полиция и очень умный начальник полиции. Им приходится не только оберегать ценности некоторых граждан, но и оберегать некоторых граждан от самих себя – и оберегать их от нежелательной гласности. Независимо от того, о чем вас просили две с половиной недели назад, вы выполнили просьбу очень хорошо. Но вы сами знаете, что это могло кончиться бедой. Если у вас опять возникнут такие затруднения, я надеюсь, вы со мной свяжетесь. Мне случалось оказывать услуги начальнику полиции, и он тоже бывал внимателен и услужлив по отношению ко мне и к некоторым моим гостям. – Она дотронулась до моей руки и добавила: – Не забудете?

– Ну конечно, миссис Крэнстон. Я очень признателен, что вы разрешаете вас потревожить, если возникнет нужда.

– Мистер Симмонс! Мистер Симмонс!

– Да, мадам.

– Присядьте к нам, пожалуйста, и давайте чуточку нарушим закон. – Она звякнула колокольчиком и дала официанту зашифрованный приказ. В знак хозяйского расположения нам подали, если память не изменяет, джин с содовой. – Мистер Симмонс говорит, что у вас возникли какие-то мысли о деревьях в Ньюпорте и о разных частях города. Интересно было бы это услышать непосредственно от вас.

Я рассказал – Шлиман, Троя и прочее. Мое разделение Ньюпорта было, разумеется, еще не закончено.

– Прекрасно! Прекрасно! Спасибо. Ах, как интересно это будет послушать Эдвине. Мистер Норт, я, как и большинство моих гостей на верхнем этаже, прожила двадцать лет в том городе, где Бельвью авеню; но теперь я держу пансион в последнем из ваших городов и горжусь этим... Генри Симмонс говорит, что джентльмены в бильярдной Германа принимали вас за сыщика.

– Да, мадам, или еще за какого-нибудь нежелательного типа. – Какого именно, он не стал говорить.

– Мадам, мне не хотелось чересчур угнетать нашего приятеля в первые же недели. Как вы думаете, достаточно ли он окреп и можно ему сказать, что его принимали еще за жигана либо за пачкуна?

– Ну что за язык у вас, Генри Симмонс! Это называется «жиголо». Да, я думаю, ему надо сказать все. Это может помочь ему в дальнейшем.

– Пачкун, Тедди, – это газетчик, который ищет грязи, охотник за скандалами. В сезон они слетаются сюда, как мухи. Пытаются подкупать слуг, чтобы те им все рассказывали. Если не могут найти помоев – сами стряпают. В Англии то же самое – миллионы читают про пороки богачей и радуются. «Дочь герцога найдена в притоне курильщиков опиума. Читайте подробности!» А теперь – Голливуд и кинозвезды. Большинство пачкунов женщины, но и мужчин хватает. Мы не желаем иметь с ними ничего общего, верно, миссис Крэнстон?

Она вздохнула.

– Трудно винить их одних.

– Тедди вот ездит взад-вперед по Авеню, его тоже начнут прощупывать. К вам еще не подкатывались, старина?

– Нет, – честно сказал я. И поперхнулся: ко мне действительно «подкатывались», а я не понял, что под этим кроется. Флора Диленд! Я дам отчет об этом позже. Мне пришло в голову, что надо держать Дневник под замком: в нем уже содержались сведения, которых больше нигде нельзя найти.

– А жиголо, мистер Симмонс?

– Извольте, мадам. Я знаю, вы меня простите, если я буду давать нашему молодому другу то одну кличку, то другую. Так уж я привык.

– И как вы теперь собираетесь называть мистера Норта?

– Ну и зубы у него, мадам. Ослепляют меня. Время от времени я буду называть его «Кусачки».

Ничего замечательного в моих зубах не было. Я уже объяснял, что первые девять лет прожил в Висконсине, великом молочном штате, и что помимо всего прочего он наделяет детей великолепными зубами. Генри не зря завидовал. Дети, выросшие в центре Лондона, часто лишены этого преимущества; он все время мучился зубами.

– Понимаете, старина, люди у Германа подумывали, что вы тоже?..

– Жиголо.

– Благодарю вас, мадам. Это по-французски наемный танцор с дальним прицелом. В следующем месяце они нагрянут, как чума или саранча – охотники за приданым. Понимаете, тут много наследниц, а молодых людей их сословия нет. В наши дни молодые люди из хороших семей отправляются на Лабрадор с доктором Гренфеллом – везут сгущенное молоко эскимосам; или, как мой хозяин, фотографируют птиц на Южном полюсе; или едут на ранчо в Вайоминг ломать ноги. А некоторые – в Лонг-Айленд, где, говорят, гораздо веселее. Какому молодому человеку охота развлекаться под надзором родителей и родственников? Если не считать Недели парусной регаты и теннисного турнира, здесь не встретишь ни одного мужчины моложе тридцати.

– Ни одного мужчины моложе сорока, Генри.

– Благодарю вас, мадам. И вот, когда хозяйки желают устроить бал для своих прекрасных дочерей, они звонят на морскую базу своему дорогому другу адмиралу и просят его прислать сорок молодых людей, которые могут станцевать вальс и уанстеп и не споткнутся. Опыт научил их, что пунш хорошо разбавлять чистой родниковой водой. А еще что они делают – приглашают, скажем, на месяц гостей из посольств в Вашингтоне – молодых графов, маркизов, баронов, которые карабкаются по первым ступенькам дипломатической лестницы. Вот петрушка! Я приехал в вашу страну, Кусачки, как «джентльмен», при одном Достопочтенном – шестикуродном графа. Он обручился с дочкой доктора Босворта из «Девяти фронтонов» – симпатичнее парня вы не видели, – но спал до полудня. Засыпал на званных обедах; покушать любил, но не выдерживал перерывов между блюдами. Даже несмотря на мои

тактичные уговоры, в любое место опаздывал на час. Его жена, энергичная, как пчелиный улей, ушла от него с круглым миллиончиком – так по крайней мере говорят... Все, что нужно такому шустрому молодому человеку, – это приятность в разговоре, пара лакированных туфель, одно рекомендательное письмо от какой-нибудь персоны – и все двери для него открыты, включая казино. Вот мы и подумали сперва, что вы тоже из этих.

– Благодарю вас, Генри.

– Однако, миссис Крэнстон, мы бы с вами не поставили крест на мистере Норте, если бы он подыскал себе киску на медных рудниках или железных дорогах, правда?

– Я вам не советую, мистер Норт.

– У меня нет таких планов, миссис Крэнстон, но можно полюбопытствовать, почему вы против?

– В супружестве у кого кошелек, у того и вожжи, а девушка, за которой много денег, думает, что у нее и ума много. Больше я ничего не скажу. К концу лета у вас накопятся собственные наблюдения.

Я получал большое удовольствие от этих вечерних бесед. И если мне иногда представлялось, что я капитан Лемюэль Гулливер и, потерпев кораблекрушение на острове Акуиднек, собираюсь изучать местные обычаи и нравы, то мне едва ли могло повезти больше. Телескопы часто устанавливаются на треногах. Одной моей опорой были ежедневные посещения Авеню; другой – опыт и мудрость, к которым я приобщался у миссис Крэнстон; третью еще предстояло найти.

Я был неискренен, обещая миссис Крэнстон обратиться к ней, если попаду в сложное или опасное положение. По натуре я человек самостоятельный, предпочитаю держать язык за зубами и выкарабкиваться из своих ошибок без посторонней помощи. Возможно, миссис Крэнстон вскоре узнала, что восемь-девять часов в неделю я занят в «Девяти фронтонах» – «коттедже», где определенно происходило что-то любопытное; может быть, она догадывалась, что меня затягивало в омут в доме Джорджа Ф. Грэнберри при обстоятельствах, которые в любую минуту могли стать лакомым кусочком для «желтой прессы».

В истории, которая связана с моим чтением в доме Уикоффов, я прибег к ее помощи, и помощь была щедрой.

3. Диана Белл

И вот я езжу на велосипеде по Авеню туда и сюда и не только зарабатываю на жизнь, но и откладываю деньги, чтобы снять небольшую квартиру. Однажды утром, в середине третьей недели, когда я кончил занятия с детьми в казино и собирался принять душ и переодеться, чтобы перейти к занятиям академическим, меня остановил Билл Уэнтворт.

– Мистер Норт, вы бы не могли зайти сюда к концу дня?

– Да, конечно, Билл. В шесть пятнадцать вас устроит?

Чем больше я узнавал Билла, тем больше им восхищался. Как-то раз он пригласил меня на воскресный обед и познакомил с женой, замужней дочерью и зятем – все до одного добротные родайлендцы. Теперь я заметил, что он чем-то встревожен. Он пристально посмотрел на меня и сказал:

– Когда вы были у меня в гостях, вы нам рассказывали о своих приключениях. Как бы вы отнеслись к маленькому предприятию не совсем обычного свойства? Если вам это не подходит, вы можете отказаться напрямик, и в наших отношениях ничего не изменится. Тут нужна хорошая смекалка, но и заплатят хорошо.

– Конечно, Билл, особенно если смогу вдобавок услужить вам. Пошлите меня на Северный полюс.

– Это может привлечь внимание. Дело, что называется, конфиденциальное.

– Как раз то, что я люблю.

В четверть седьмого я вошел в его кабинет, заставленный призами и кубками. Билл сидел за столом, уныло поглаживая себя по коротко стриженным седым

волосам. Он сразу приступил к делу:

– Мне подкинули задачку. Председателем совета директоров у нас уже довольно давно некий мистер Огастас Белл. Сам он нью-йоркский делец, но его жена и дочери большую часть года живут здесь. Уезжают в Нью-Йорк зимой на несколько месяцев. Старшей дочери Диане – лет двадцать шесть; для девушки ее круга это много. Тут есть поговорка: «Она стоптала много бальных туфель». Девушка горячая, беспокойная. Все знают, что в Нью-Йорке она стала водить компанию с неподходящими людьми. Попала в газеты – сами понимаете, в какого рода газеты. Дальше – хуже. Года два с половиной назад один из этих неподходящих типов приехал за ней сюда. Семья не желала его знать. Тогда они сбежали. Перехватили ее довольно быстро – полиция, частные сыщики, все такое. Газеты захлебывались... Беда в том, что Ньюпорт перестал быть курортом для молодых людей ее круга. Ньюпорт – для среднего возраста и выше. – Справившись с собой, Билл продолжал: – И вот опять то же самое. Мать нашла в ее комнате письмо от мужчины. Все подготовлено для бегства послезавтра ночью. Поедут венчаться в Мэриленд. Понимаете, мистер Норт, с богатыми очень трудно иметь дело. Мистер Белл полагает, что моя прямая обязанность – все бросить, гнаться за двумя взрослыми людьми и как-то помешать им. Он больше не желает иметь дело с полицией и частными сыщиками. Я, конечно, откажусь, и это может стоить мне места.

– Билл, я попробую. Сделаю все, что смогу. – Билл молчал, стараясь совладать со своими чувствами. – А кто мужчина?

– Мистер Хилари Джонс, руководит здесь физическим воспитанием в школах. Ему года тридцать два, разведен, есть дочка. Все о нем хорошего мнения, включая бывшую жену. – Он взял большой конверт. – Здесь газетные фотографии мисс Белл и мистера Джонса и вырезки о них. Вы водите машину?

– Да, за четыре лета в нью-гэмпширском лагере я поездил на всяких машинах. Вот мои права; действительны еще три недели.

– Мистер Норт, я позволил себе большую вольность, и, надеюсь, вы меня простите. Я сказал мистеру Беллу, что знаю человека, который молод, со всеми ладит и, как мне кажется, рассудителен и находчив. Я не назвал вашего имени, но сказал, что вы из Йейла. Мистер Белл тоже из Йейла. Но я не хочу, чтобы вы занимались этим ради меня. Вы свободно можете сказать мне, что это – темное, пакостное дело и вы не желаете иметь к нему никакого отношения.

– Билл, я возьмусь с удовольствием. Я люблю, когда надо прибегать к тому, что вы назвали находчивостью. Я бы хотел услышать весь план из уст самого мистера Белла.

– Он не останется в долгу...

– Стоп! Об этом я поговорю с ним самим. Когда я могу с ним встретиться?

– Можете прийти ко мне в кабинет завтра в шесть часов вечера? Тогда останется целый день для подготовки.

* * *

Теперь мне придется повторить значительную часть рассказанного, но я хочу, чтобы читатель взглянул на это с другой точки зрения. На следующий вечер, в шесть часов, Билл сидел у себя в кабинете. Джентльмен лет пятидесяти с «подцвеченными», как мне показалось, усами и волосами расхаживал по комнате, пиная стулья.

– Мистер Норт, это мистер Белл. Мистер Белл, мистер Норт. Садитесь, мистер Норт. – Мистер Белл не подает руки тренерам по теннису. – Мистер Белл, позвольте мне начать рассказ. Если я что-нибудь изложу не так, вы меня поправите. – Мистер Белл мрачно буркнул и продолжал метаться. – Мистер Белл тоже окончил Йейлский университет, где достиг выдающихся успехов в спорте. Почти двадцать лет, с перерывами, он состоит в совете казино, что свидетельствует о том, как его здесь ценят. У мистера Белла есть дочь, мисс Диана, которая отлично играет в теннис на этих кортах буквально с детских лет. Это чрезвычайно привлекательная девушка, у нее много друзей... Может быть, несколько своевольная. Вы не возражаете, мистер Белл?

Мистер Белл рубанул по шторе и опрокинул несколько кубков.

– Мистер Белл и миссис Белл случайно обнаружили, что мисс Диана собирается сбежать. Она уже раз убежала, но ее довольно быстро вернули. Оповестили полицию в трех или четырех штатах, и ее доставили домой. Для гордой девушки это унижительно.

– О господи, Билл! Давайте же скорее!

– Беллы, в общем, живут в Ньюпорте круглый год, но держат квартиру в Нью-Йорке и зимой несколько месяцев проводят там. Мистер Белл на меня не посетует, если я скажу, что мисс Диана – девушка горячая и у газетчиков определенного сорта вошло в обыкновение сообщать, что ее видели в общественных местах с неподходящими знакомыми – включая того человека, который был ее спутником в прошлом бегстве. – Я смотрел Биллу в глаза. Видно было, что новоанглийский задор в нем все-таки проснулся и мистеру Беллу он спуску не даст. – И вот миссис Белл случайно наткнулась на письмо, спрятанное у дочери в белье. Один здешний человек, которого я немного знаю, уславливается с ней в письме о встрече завтра ночью. Они намерены ехать в Мэриленд и там как можно скорее обвенчаться.

– О господи, Билл, это невыносимо!

– Билл, на чьей машине они едут? – спросил я.

– На ее. Его машина – школьный грузовик, в котором он возит свои команды на состязания. Они уезжают с острова на вечернем десятичасовом пароме в Джеймстаун, оттуда на пароме в Наррагансетт. Мистер Белл, понятно, не хочет еще раз обращаться в полицию. И самое главное, семья не желает, чтобы опять появлялись статейки в воскресных приложениях – так называемых скандальных листках.

Мистер Белл сердито подступил к Биллу:

– С меня хватит, Билл!

– Это факты, мистер Белл, – твердо ответил тот. – Факты надо выложить. Мистер Норт должен знать, о чем мы его просим. – Мистер Белл потряс кулаками у него перед носом. – Идея состоит в том, мистер Норт, что вы их где-нибудь перехватите... где-нибудь, как-нибудь... и вернете мисс Диану домой... Вы человек свободный, принудить вас никто не может. Мисс Диана взрослая женщина – а вдруг она наотрез откажется вернуться в дом отца? Единственное одолжение, о котором вас просит мистер Белл – как йейлец йейлца, – это сделать попытку. Вы согласны попробовать?

Я потупился.

Я не верю, что во вселенной есть хоть капля смысла. Я думал, что не верю в преданность и дружбу. Но вот Билл Уэнтворт, и он может лишиться места, которое он занимал всю жизнь. И этот апоплексический грубиян; и миссис Белл, которая перерывает комод двадцатилетней дочери в поисках интимных писем и читает их.

Конечно, я попробую – и добьюсь, чего надо. Но мистеру Беллу я тоже спуска не дам.

– Что же, по-вашему, я должен делать, мистер Белл?

– Ну, поезжайте за ними. Лучше уехать за Наррагансетт: если что-нибудь предпримете, то не слишком близко к Ньюпорту. Подождите, пока они остановятся поесть и переночевать. Сломайте им машину. Если надо, взломайте у них дверь. Объясните ей, что она идиотка. Какой позор! Она сведет мать в могилу.

– Вам известно что-нибудь позорное об этом человеке?

– Что?

– О мистере Джонсе – вы его знаете?

– Да откуда? Он никто. Паршивый охотник за приданым. Шушера.

– Мистер Белл, письмо мистера Джонса при вас?

– Ну да, вот – будь оно проклято! – Он вытащил письмо из кармана и швырнул на ковер между нами. Билл и я – тоже «никто», «шушера».

Билл встал и поднял его с пола.

– Мистер Белл, мы просим мистера Норта помочь нам в весьма щекотливом деле. Мы надеемся, что он с ним справится и что вы с миссис Белл пожелаете его отблагодарить.

В мистере Белле происходила внутренняя борьба. Придушенным голосом он сказал:

– Я очень расстроен. Прошу извинить, что бросил письмо на пол.

Я сказал Биллу:

– Мы положим его в большой конверт, запечатаем сургучом, адресуем мисс Белл и напишем: «Получено от мистера Огастаса Белла. Не прочитано и запечатано Уильямом Уэнтвортом и Теофилом Нортон». Мистер Белл, можно узнать, где ваша дочь познакомилась с мистером Джонсом?

– Большую часть года мы живем в Ньюпорте. Дочь и многие ее друзья входят в группу добровольного содействия местной больнице. Диана обожает детей. Она встретила с этим Джонсом, когда он навещал там свою трехлетнюю дочь. Вульгарный и бессовестный охотник за приданым, как все остальные. Нам не раз приходилось отваживать этих мерзавцев. Тут все ясно.

Единственное, что можно с таким человеком – это выжидательно смотреть ему в глаза, как будто он сейчас изречет что-то на редкость убедительное. Без поддержки и рукоплесканий такие люди сморщиваются: им просто не хватает воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Плут (исп.).

Купить: https://tellnovel.com/uaylder_tornton/teofil-nort

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)